

ДОКЛАД

Доктора философских наук, профессора, ведущего научного
сотрудника Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН

Ю.Д. Гранина

«Цивилизационные расколы в России 17-20 столетий»

Тезисы

Философско-методологические основания обсуждения заявленной темы

Автор придерживается восходящей к идеям классического марксизма современной *версии социального конструктивизма*, интерпретирующего историю человечества не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», а как *процесс совместной социально организованной деятельности людей* (объединенных в большие и малые сообщества) *целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него Сознанием, формирующим, в том числе и «проективный (проектный) план» антропосоциокультурного бытия людей не только с позиций «сущего», но и с точки зрения его «должного» состояния.*

Кроме того, *история имеет нелинейный характер осуществления и реализуется как многовекторное движение социального интегрирования субъектов исторического действия: от простых сообществ ко все более многочисленным и все более сложно (политически, культурно и идеологически) интегрированным объединениям (сообществам) людей, наиболее крупные из которых могут быть определены как «цивилизации».*

Основное содержание

В настоящее время в научном сообществе отсутствует не только общепринятое понимание термина «цивилизация», но и дискутируется крайне значимый вопрос о факторах становления, эволюции и смены цивилизаций. Обсуждая его, автор в ходе дальнейшего изложения будет опираться на идеи и гипотезы предшественников, на основе которых он предлагает собственное понимание концепта «цивилизация», источников возникновения и смены цивилизационных моделей развития древней, царской, советской и современной России¹.

В числе наиболее значимых идей и гипотез, используемых автором:

¹ В данном случае именование «Россия» используется как собирательный термин, акцентирующий внимание не только на политических коннотациях России как государства, но и на природно-географических и культурных особенностях ее «месторазвития». В этом предельно широком значении термина «Россия» включает все исторические формы своего существования: от Древней Руси до современной РФ.

- восходящая к Ф. Броделю идея о продуктивности многоаспектного изучения цивилизаций в качестве сложных исторических структур²;

- мысль о необходимости различения цивилизаций и культур (культурных систем), в ходе которого цивилизации понимаются как крупные сообщества (П. Сорокин), воплощающие, добавлю, разные культурно-исторические типы развития;

- комплекс гипотез Ш. Айзенштадта о факторах трансформации цивилизаций (т.е. «модернизаций» и «революций»), интерпретируемых в контексте восходящей к концепции Тойнби идее «вызовов» и «ответов»;

- идея «культурного ядра» (П. Сорокин) цивилизаций и гипотеза Н.И. Лапина о том, что цивилизации есть в том числе и «процессуально-текучая структура социокультурных отношений между многими индивидами на основе их идентификации с ядром культуры»;

- понимание «текучести» и релятивности цивилизационных идентичностей (постоянно находящихся в процессе «переопределения») в качестве индивидуальных и групповых конструкторов³: вербализованных (но не всегда) результатов отнесения к «воображённым общностям» (Б. Андерсон), каковыми, полагаю, являются и «цивилизации»;

- идея о значимости социальных (политических и др.) институтов и систем коммуникаций как факторов интегрирования цивилизаций в относительно единое целое.

Имея ввиду эти гипотезы и идеи, а также ранее высказанное мною предположение о том, что цивилизации в качестве культурно-исторических типов развития воплотили и воплощают потенциал разных возможностей и путей эволюции человечества в прошлом и обозримом будущем⁴, можно сформулировать предельно общее трансдисциплинарное определение термина «цивилизация», позволяющее выделить в содержании этого термина аспекты становления и распространения фиксируемой им реальности.

В метанаучном плане социально-философской интерпретации «цивилизация» может быть определена как *междисциплинарная категория*

² В этой связи он, в «Грамматике цивилизаций» (1963), писал о том, что цивилизация может быть успешно определена как "собирательное" понятие и лишь "в соотношении с другими науками о человеке". То есть интерпретировал это понятие как междисциплинарную категорию. В этом контексте (теоретическом контексте антропологии, психологии, политической экономии и др.) цивилизации, по его мнению, должны быть поняты и исследованы как "географические и культурные пространства", как "общественные формации", как "экономические уклады" и как "различные коллективные мышления» (Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Перевод с франц. Б.А. Ситникова. М.: Весь мир, 2008).

³ Определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным багажом и наличествующим в данный момент окружением: политическими ландшафтами, информационными и культурными пространствами, в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют.

⁴ См.: Гранин Ю.Д. Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. М.: Академический проект, 2020.

для обозначения разнообразия *культурно-исторических типов развития экономически и политически связанных больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей)*, субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей. Это определение требует конкретизации в плане раскрытия диалектики взаимосвязи социальных, культурных, когнитивных и институциональных компонентов «цивилизации» как процесса и как состояния (См. Приложение 1).

Важно подчеркнуть: цивилизация - это не только «оплотневшая» в центральном ядре, кристаллизовавшаяся в экономических и иных практиках *метакультура* и корреспондирующая с ней *метаидеология*, «осевшая» в некоторых долговременных ценностях и мыслительных парадигмах, но и некое *социокультурное целое*, образованное соединением «культурного ядра» со многими социальными институтами и закрепленное ими.

Самым важным из таких институтов является «государство», которое, будучи одновременно и отделенным от основной части «общества» системой власти, в свою очередь оказывается *политической формой* организации и распространения входящих в цивилизацию локальных социумов и, как правило, всей «цивилизации»⁵.

Наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизации на большие расстояния во многих регионах исторически оказывались «царства» и «империи», которые, вслед за Тойнби, лучше называть "универсальными государствами". Хотя, понятно, что цивилизации в качестве *социокультурных типов развития* очень часто перешагивали и перешагивают многие государственные и географические границы, в ряде случаев оказываясь для народов иной цивилизационной принадлежности «образцом» и «моделью развития»⁶.

Это сейчас «империя» и соответствующие ей реалии воспринимаются как нечто регрессивное. Однако на протяжении многих столетий до и после новой

⁵ Наличие развитого «государства» - то, что позволяет отличать «цивилизации» от «культур», которые могут существовать и развиваться в обществах, находящихся и на догосударственной стадии политогенеза.

⁶ В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний. Их наличие и распространение, повторим, оказывалось важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся «центры» международного развития: «места» военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев была «империя».

эры имперская политическая форма в ряде случаев несла в себе позитивный культурно-исторический смысл, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей. Кроме того, эти «универсальные государства» прокладывали новые торговые пути, строили дороги и, делегируя часть своей власти на «периферию», создавали (через институты образования и предоставления прав гражданства) «универсальный правящий класс», цементирующий имперское «культурное ядро» и вырабатывающий проекты не только политической, но и культурной экспансии на значительные расстояния. Так параллельно или сменяя друг друга, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «эллинско-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и выросшая из нее «евро-атлантическая «цивилизация», соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития, которые, объявляя соседей «варварами», естественным образом считали себя «центрами» окружающего мира и, формируя глобальные стратегии, попеременно претендовали на мировое господство.

Как известно в борьбе за мировое господство победа досталась Европе, на территории которой сформировалась *modernity* (современность) - «цивилизация Нового времени» (Ш. Эйзенштадт), воплотившая наилучшую («капиталистическую») хозяйственную систему и, одновременно, передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступившие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования. С Россией все обстояло сложнее. Она прошла сложный путь цивилизационной эволюции в значительной степени сохранив свою самобытность.

Разумеется, трансфер знаний, техники и технологий, произведений искусства, религиозных и светских идей и идеологий, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни всегда шел в Россию и с Востока, и с Запада. Но в каждом случае имело место сложная конвергенция традиционных институциональных и духовных структур страны с «образцами» внешних влияний, оцениваемых и переживаемых в диапазоне от «варварства» и «инаковости» до «современности». При этом сама «современность» для многих стран ни прежде, ни теперь не была «единственной» и «однородной». Всегда имел место эффект «переплетенных модерностей», который имеет важное значение в аспекте объяснения цивилизационной динамики нашей страны по мере ее движения к «современности».

Это движение к «современности» осуществлялось Россией в историческом диапазоне от Киевской Руси до современной РФ, в ходе которого наша страна «примерила на себя» и сменила несколько типов

культурно-исторического развития. Изучая становление и развитие Великого княжества Московского, российской империи и СССР, можно сделать суммирующий вывод о том, что исторически эти политические формы имели несколько цивилизационных воплощений: *"православную цивилизацию"* Московского царства (16-17 вв.), *«цивилизационную псевдоморфозу»* империи Романовых в 18 и середине 19 века, *"гибридную цивилизацию современного типа"* России кануна первой мировой войны и *"советскую (социалистическую) цивилизацию"*, представлявшую альтернативный Западу тип современного развития⁷.

Основным фактором смены культурно-исторических (цивилизационных) форм типов развития России всегда оказывался **«раскол»** - раскол ценностно-смыслового ядра цивилизации. Источником которого было *«духовно-интеллектуальное напряжение»* между *«трансцендентным и мирским порядками»*⁸, с одной стороны, и *«трансцендентальным и мирским порядком»*, с другой. Наличие этого «напряжения» по мере его осознания социальными группами и элитами, вырабатывающими новые проекты социальной жизни и политического устройства в границах «стран-цивилизаций», вело к появлению движений протеста, лишь в начале прошлого века завершившихся крупнейшей в истории XX столетия социальной революцией.

Важно иметь в виду, что имманентная и трансцендентная «современность» дискурсивно противостоят друг другу, увеличивая в пространстве цивилизации онтологическое напряжение между социальными группами, но всегда оцениваются ими (хотя и с разным «знаком») как «вызов» стране, сопровождаемый чувством, получившим в социологической литературе название *ressentiment* (чувство ненависти, злобы и обиды). Из этого психологического состояния («невыносимой несовместимости») удивительным образом вырастали и вырастают противоположные социально-психологические последствия - созидательный импульс, с одной стороны, и аномия, с другой. В обоих случаях происходит трансформация ценностной шкалы цивилизации - переоценка ее ценностей, но с «разным знаком».

Первый раз такая трансформация наблюдается в России последнего периода существования Великого княжества Московского: во второй половине 17 века. В то время как в Западной Европе начинает утверждаться западная "современность" (*modernity*), на ее восточных окраинах *возникает основанная на традициях православная цивилизация, политически*

⁷ Подробнее см.: Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. №12. С.34-44.

⁸ Земной уровень бытия воспринимался как неполноценный, а зачастую как неправильный. Поэтому важнейшей целью поведения людей Осеевого времени и более поздних эпох становится «спасение», достигаемое путем целенаправленных длительных усилий для снятия противоречия между трансцендентным и мирским порядками.

оформленная в "Московское царство", осознающее себя "наследницей Рима", "центром православного мира" на воображаемой карте ментальной географии и имеющее претензии вселенского масштаба. Строго говоря Россия того периода не была отсталой страной. Уже со времен Ивана IV существовало регулярное профессиональное войско (стрелецкие полки), вооруженное современным пороховым оружием, малыми тиражами печатались светские книги разных жанров (сатирические и автобиографические повести, силлабическая поэзия, драматургия), издавались исторические сочинения, возникла светская живопись, в 17 веке при царском дворе появился театр - формировалось "культурное ядро" новой православной цивилизации, которое позже будет названо "русским барокко".

Разумеется, это культурное ядро никогда не было однородным. Но, оно, по крайней мере, до 2-й половины 17 века было единым в срезе религиозных оснований. Однако церковные реформы патриарха Никона, затеянные для усвоения «греческой учености» с претензией на вселенский статус РПЦ, завершились религиозным расколом, деформировавшим «ценностно-смысловое ядро» православной цивилизации. Его дальше разрушил реформаторский порыв Петра I и его царственных наследников, так и не сумевших (да и не собиравшихся, за исключением Александра I) реформировать страну по европейским лекалам.

Не смотря на расширение границ царства на Восток, развитие промышленности на Урале, господствующим продолжал оставаться государственно-общинный способ производства, главной производительной силой которого было неграмотное многомиллионное крепостное крестьянство. И все это вместе создавало колоссальное антропологическое препятствие для реформирования страны. В процессе заимствований возникал уже отмеченный выше *ressentiment*, провоцировавший распад системы устоявшихся ценностей и норм, с одной стороны, и использование прежней ценностной иерархии для трансформации нововведений по старым образцам, с другой. И в том, и в другом случае происходило размывание ценностно-смыслового «ядра» цивилизации.

Цивилизационная модель, по которой жила империя весь XVIII век, фактически, если воспользоваться термином Шпенглера, представляла собой "псевдоморфозу" - причудливое сочетание европейских форм жизни и с неевропейским смысловым и ценностным содержанием, влагаемым в эти формы плохо образованным чиновничеством, духовенством, городским мещанством, купечеством и мелкопоместным дворянством. Поэтому все попытки «европеизации» России в XVIII-первой половине XIX веков были поверхностными и, как правило, имели имитационный характер. А в царствование Николая I наблюдалась явно ретроградно-охранительная направленность политических действий. Они окончательно похоронили надежды на политические реформы, трансформировав идею европейского национализма, теснейшим образом связанную с идеей формирования

демократических структур принятия политических решений, в доктрину «официальной народности», признававшую деспотию и рабство атрибутами России. «Приняв химеры ограничения власти монарха, - писал министр образования граф Уваров, - равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимо-конституционной формы правления, колосс не протянет и двух недель, более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены».

Разумеется, этого не случилось и спустя полвека. Но к середине XIX столетия в стране сложилась своеобразная великорусская государственная идеология, дополненная идеями "великой державы" и миссией панславизма. Собственно модернизация начинается в России с реформ Александра II, который ввел общедоступность и внесословность начального образования, самоуправление университетов и многое другое. Именно тогда Запад становится для России образцом развития, идея приблизится к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом – целью, которую надо выполнить.

В начале XX века эта цель была достигнута: Россия твердо стала на путь капиталистического развития, сопровождавшийся появлением новой социально-классовой структуры общества, нового специфичного для России социального слоя – «революционной интеллигенции». Тогда же, к концу XIX - началу XX века завершается формирование "культурного ядра" *новой российской цивилизации современного типа*, давшей миру великую русскую поэзию и прозу, великую музыку и живопись, великую науку, архитектуру и балет. Но поскольку многомиллионное русское и "иностранное" крестьянство, практикующее архаические формы жизни и мысли, составляло подавляющее большинство населения империи, *эта цивилизация имела гибридный характер*. Она двигалась навстречу «большой Европе». Но ее ценностно-смысловое ядро не было однородным, а включало в проективный трансцендентный план бытия социально-политическую *утопию*, не сводимую лишь к уже явленным Западом «прогрессивным» формам жизни, а предполагающую выход за их пределы в пространство «другого модерна», выраженного многоликим художественным «авангардом» и политическим «футуризмом».

Последний в лице большевиков, эсеров и анархистов предлагал безжалостно уничтожить «эксплуатацию», «частную собственность», «классы» и «буржуазное государство», мешающие народам обрести «новый мир». «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем, мы наш, мы новый мир построим...» - с этим кредо большевиков (и не их одних) были солидарны не только представители литературного, театрального и художественного авангарда, но и многомиллионные массы рабочих и крестьян. С их согласия и благодаря их поддержке *Россия открыла эпоху «альтернативного модерна» и «альтернативной истории», реализуя новый тип цивилизационного развития с новыми, и как теперь ясно,*

невыполнимыми, но восходящими к идеалам Просвещения, задачами: воспитанием «нового человека» и построения новой исторической общности - «советского народа». На обломках царской империи *возникла империя нового типа - советская империя "положительной деятельности"* [Ливен 2007], которой за короткое время удалось создать новую "советскую цивилизацию", основанную на административно-командной государственной экономике и однопартийной системе, но с принципиально новым ценностно-смысловым каркасом⁹.

Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панъидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в начале XX века, представляет собой *цивилизационный гибрид*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной «современности».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве больших и достаточно сложных социальных общностей и сообществ «цивилизации» не следует отождествлять с «культурами», но можно, подчеркивая их культурную и этническую разноликость, полагать наличие «*центрального ядра*» цивилизации – «основного народа» и «ядерной культуры», состоящей из культурных смыслов, ценностей и норм совместного проживания. Поскольку в большинстве случаев территория распространения цивилизации включает в себя не один, а несколько различных в культурном плане народов (этносов), постольку необходимым условием устойчивости цивилизации является *метаидеология* - разделяемые большинством, но в разной степени систематизированные и обоснованные, сакральные и светские представления и идеи, формирующие «картину мира» (природного и социального) как упорядоченной целостности, соответствующие ей и господствующим практикам смыслы, ценности и нормы жизни.

В границах этой картины мира важную роль играет *социоисторическая топология* - совокупность концептуально оформленных сакральных и светских представлений и идей *о месте цивилизации* (территориально большого и этнически многообразного сообщества людей) на «шкале истории», которая соотносит государственное строительство этого сообщества, его социальные предпочтения и официальную (ядерную) культуру и «стиль жизни» с предполагаемым трансцендентным назначением человечества. Эта сакральная (трансцендентная) вертикаль в глазах всех

⁹ Гранин Ю.Д. Цивилизационная специфика советской и современной России // European Journal of Philosophical Research, 2019, 6 (1). С.40-53.

членов и приверженцев данной цивилизации делает из ее «ядровых» народов (китайцев, эллинов, арабов, англосаксов, русских и др.) «основное человечество», а из населенного ими ареала – «основную землю» ойкумены¹⁰.

Будучи отрефлексированной властными и интеллектуальными элитами, эта интенция массового сознания трансформируется в так называемые геополитические (во многом сакральные) *"панъидеи"*, - дискурсивно оформленные и ценностно значимые представления о центральном (вселенском) положении "своей" цивилизации на *карте ментальной географии*.

Последняя создается с помощью *«исторического воображения»*, формируемого элитами в пространстве «большой традиции» и основанного на фундаментальном идентификационном отличии «себя» от «других», помещаемых на географическую и культурную «периферию», а потому почти всегда интерпретируемых в качестве «дикарей» или «варваров». Культурный «центр», первоначально выделенный в древних цивилизациях на основе мифологических преданий, позже в цивилизациях Осевого времени приобретает все более отчетливые очертания в процессе формирования *линейно выстроенной «идеи истории»*, имевшей сначала «священный», а затем и «светский» характер. Под ее влиянием уже в Новое время в Европе и на новых – научных - основаниях утверждается различие и превосходство «цивилизованных» народов и государств.

Впрочем, цивилизация имеет и «экономическое измерение», связанное с исторически сложившимися на ее территориях экономическими укладами и господствующим способом производства материальных благ, выбор и использование которых было обусловлено «большой» (высокой) и «малой» (народной) культурной традицией.

¹⁰ Как и в математической топологии (которую иногда называют «геометрией на резиновом листе»), в социоисторической топологии, несмотря на реальные географические изменения «исторического окружения» цивилизаций, они всегда сохраняют центральное место на карте «ментальной географии».